

А. П. Ладинский

Голубь над Понтом

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
А11

А11 **А. П. Ладинский**
Голубь над Понтом / А. П. Ладинский – М.: Книга по Требованию, 2019. – с.

ISBN 978-5-519-65924-6

Роман "Голубь над Понтом" известного писателя А. П. Ладинского, хорошо знакомого читателю по историческим романам «Когда пал Херсонес», повествует о противостоянии великого киевского князя Владимира с правителем Византии Василием.

ISBN 978-5-519-65924-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019
© А. П. Ладинский, 2019

«Голубь, пролетающий над Понтом...» Эти слова взяты из гимна Димитрия Ангела, ромейского¹ стихотворца. Под Понтом он разумел — мир, житейское море; голубь в его стихах — человеческая душа, моя душа и душа Анны, голубка, пролетевшая над стихией грехов и страданий.

Моя душа посетила мир в жестокое и страшное время. Может быть, ангелы говорили ей, когда она покидала небеса:

— Почему ты оставляешь райскую обитель?

— Мне суждено некоторое время жить на земле, — отвечала душа.

— О, как там холодно и темно! — вздыхали херувимы и серафимы.

— Я слетаю на землю не для того, чтобы резвиться на лужайках, а трудиться и страдать...

Земная деятельность Ираклия Метафраста, патриция и друнгария ромейских кораблей, началась разговором с ангелами, а закончилась в мизийских² ущельях, где благочестивый ослепил пятнадцать тысяч болгарских воинов.

Душа слетела на землю и в изумлении открыла глаза. Она легко могла бы погибнуть в хаосе человеческих грехов или в минуту слабости продать свою небесную сущность за временные и бранные блага. Говоря простым языком, как в разговоре с приятелем, без метафор и украшений, я мог бы заплывать жиром и сытое существование предпочесть очищающим нас страданиям. Я мог бы, как многие другие, добиваться земного благополучия, пресмыкаться, ползать на брюхе, льстить сильным мира сего, откладывать в глиняный горшок миллиарсий за миллиарисием и приобретать имения. Но во мраке земной ночи меня вел свет неразделенной любви. Она спасла меня от ничтожных устремлений, от чревоугодия и грубого смеха. Какая польза была мне в богатстве, если то, к чему я стремился, нельзя было приобрести и за все богатства мира? Небесная голубка не захотела променять небеса на курятник.

Любовь наполнила все мое существование. Руководимый ею, я пересекал житейское море, как ромейские корабли пересекают в бу-

¹ Ромеи (т. е. римляне) — так называли себя византийцы по официальному наименованию государства — Восточная Римская Империя.

² Мизия — провинция в Малой Азии.

рю черный Понт, равнодушно взирая на опасности и кипение пучин.

Я не хочу обелять себя, как тот фарисей, что с такой самоуверенностью обращался к Богу. Я последний из христиан. Проливал человеческую кровь, и язык мой изрыгал злобу и хулу на людей. Как часто, предаваясь бессмысленному гневу, я презирал их, хотя сам, может быть, был хуже всех. Сколько раз я видел, как они метались, спасая свою жизнь и жалкое достояние, и мое сердце оставалось холодным и недоступным для жалости. Люди полагают, что весь мировой порядок существует только для того, чтобы жить в тепле и довольстве, и не хотят помыслить о высоком. «Пусть гибнут в смятении, — думал я, — какая от них польза?»

Только отдающий свою душу за других заслуживает сожаления и слез. Только погибающий ради высокой цели достоин бессмертия. Люди копошатся среди своих маленьких дел, трусливо прячутся от непогоды, закрывают уши от шума бурь. Спросите их, жаль им героя, который борется за спасение их ленивых и дрожащих от страха душ? Им все равно. Если случится катастрофа, они предадутся унынию. Мою злобу возбуждает нежелание этих поселян, торговцев, стяжателей, судей и писателей хроник и гимнов загореться ревностью к общему делу. Они говорят:

— Мы соблюдаем посты, платим налоги и подчиняемся законам. Пусть все останется как есть.

Но ведь ромеи живут, как на вулкане. Каждый день нас могут затопить волны варварского моря, а эти люди не хотят расстаться с теплом супружеских постелей. Мы с базилевсом¹ поднимали их среди ночи, гнали жезлом на поля сражений. Они не могли понять, что назначение человека — умереть ради прекрасной цели, а не цепляться за ничтожную жизнь. Они плакали и жаловались на невыносимую тяжесть возложенного на их слабые плечи бремени. Не плакать надо, а трудиться, пылать, как свеча среди ночного мрака, стоять непоколебимо среди бури! Только то прекрасно, ради чего человек согласен отдать свою жизнь, не имея от этого никакой личной выгоды. Иначе как вы проверите ценность вещи?

Мрачные предсказания Льва Диакона сбылись. Как он написал в своей книге: *северная Аврора возвестила нам о падении Херсонеса.*

¹ Базилевс (василевс) — титул византийских императоров.

Буря негодования возмутила душу благочестивого. А в это печальное время, как будто ничего не случилось, как будто не угрожала нам со всех сторон гибель, его брат Константин беззаботно охотился с друзьями на холмах Месемврии на диких ослов. На базарах говорили: — «Побрякушка и крест делаются из одного куска дерева».

Огненные столбы вставали на северной стороне неба, наводя ужас на городскую чернь. Страшная комета плыла, как пылающий кипарис, в небесном пространстве, может быть, предвещая гибель мира. Мы были свидетелями того, как рухнул с ужасным грохотом дивный купол одной из наших церквей — непрочное создание человеческих рук. Потом полевая мышь пожрала посевы, и нас посетил голод. Люди платили по номизме за медимн пшеницы, а в море погибло множество кораблей, и земля оросилась кровью христиан.

Взятие варварами Херсонеса¹ завершило наши бедствия. Огромной важности события совершались в херсонесской феме! Падение этого города горным эхом отозвалось в тишине гинекеев², в бедных хижинах дровосеков, в становищах доителей кобылиц. Торговцы на сарацинских базарах, корабельщики в портовых кабаках, путники на далеких караванных дорогах, останавливаясь на ночлег в придорожных гостиницах, рассказывали друг другу о событиях в Готии³. Станный ветер веял из скифских степей. Судьбы человечества решались ныне на берегах Борисфена! В руке базилевса трепетал хрустальный шар — увенчанный крестом символ мира.

А послушайте, о чем беспокоятся эти люди!

— Правда ли, что цена, на хлеб поднялась на два фолла?

— Кухарь, принес ли на поварню истец обещанного ягненка?

— Уплатила ли вдова положенную мзду за панихиду?

В тот страшный вечер я был в долине Ликуса. Нас было четверо: историограф Лев Диакон, спафарий Никифор Ксифий, мужественный человек, уши которого заросли волосами, как у волка, я и юный Дмитрий Ангел, стихотворец, строитель церквей. Мы ехали на мулах, возвращаясь с виноградника Леонтия Хризokeфала, где мы провели

¹ Херсонес — город на юго-западе Крымского полуострова, находился поблизости от современного Севастополя.

² Гинекей — женская половина дома.

³ Готия — Северное Причерноморье.

день в дружеских разговорах.

Комета, подобная огненному мечу архангела, плыла в черном небе. Потрясенные зрелищем, мы вздыхали. Уже впереди чернели городские башни. Вдруг земля заколебалась под нашими ногами. Мы остановились в ужасе. Нам казалось, что наступает конец мира. Глухой и тяжкий грохот донесся до нашего слуха. Димитрий Ангел схватил меня за руку:

— Неужели это рухнул купол св. Софии?

Мы перекрестились. Никто не ответил ему. Каждый опасался за свою жизнь, за участь близких, за судьбу своих жилищ. Но падение купола такого храма по своему значению равно было бы мировой катастрофе. Этого не мог охватить разум.

Лев Диакон сказал:

— Что-то случилось на земле важное и страшное! Природа извещает нас о каком-то большом событии. Может быть, о падении Херсонеса...

— Что же теперь будет с нами? — спросил Димитрий, готовый уже заплакать от волнения.

Лев Диакон показал рукой на комету, плывшую, как челн, в мировом пространстве.

— Видишь? Не без причины посетила нас небесная гостья...

Я неоднократно бывал в Херсонесе и хорошо знаю этот шумный торговый город. Жители его коварны, туги на веру, лгуны, легко поддаются влечению всякого ветра, как писал еще о них епископ Епифаний. Они жалкие торгаши и неспособны на великое. Торжище — их душа, нажива — смысл жизни и цель всех трудов. Нельзя доверять им ни в чем. Разве не нашелся среди них и в наши дни предатель — тот пресвитер Анастасий, что пустил в лагерь руссов стрелу с указанием, в каком месте надо перекопать подземный акведук, чтобы лишить осажденных воды?

Расположенный на берегу Понта, на пересечении важных торговых путей из Скифии и Хазарии в Азию и Константинополь, обнесенный стенами из прочного желтоватого камня, укрепленный башнями и военными машинами, счастливый обладатель бесподобной гавани, этот город сделал себе бога из золотого тельца. Его белые корабли, освобожденные от пошлин, доставляют нам ив города Азии рыбу и соль. В устье Борисфена его жители владеют рыбными про-

мыслами и солеварнями. Права на них оговорены в особых соглашениях с варварами. Через рынки Херсонеса проходят товары из Скифии — меха, янтарь, кожи и кони, которых продают там дикие кочевники. Но жадный и беспокойный город был склонен всегда к возмущениям и неоднократно убивал своих епископов и стратегов. Дальновидные базилевсы, заключая договоры с варварами, упоминали в них, что в случае восстания варвары обязаны подавить мятеж и привести херсонитов к повиновению власти, поставленной от Бога. О них упоминается в сочинении «Об управлении империей».

Багрянородный¹ автор советует своему сыну Роману, для которого написана была книга, как действовать в случае отпадения Херсонеса. Для этого только надо захватить в столице и в гаванях Азии херсонские корабли, запретить продавать им пшеницу, прекратить всякое сообщение с полуостровом. Предоставленные собственной участи, они погибнут. Ничему не предаются люди с таким прилежанием, как торговле. По Борисфену и по далекой Русской реке, впадающей в Хазарское море, плывут ладьи с товарами. Встречаясь в пути с другими ладьями, купцы перекликаются:

— Откуда вы плывете?

— Из Самакуша.

— Не видели ли вы в Фулах хазарского купца Исаака Самана?

— Видели. Покупает меха и воловьей кожи.

— В какой цене теперь кожи?

В хазарских солончаках странствуют караваны верблюдов. Люди идут, неделями не встречая человеческого жилья. Но вот впереди пылится дорога, скрипят колеса встречного каравана, волы тащат огромные повозки с товарами. Купцы останавливаются, с опаской осматривая друг друга. Потом завязываются разговоры.

— Точно ли, что в Таматархе чума?

— Чумы нет, но люди страдают желудками, многие умирают.

— Не встретили ли вы на вашем пути кочевников?

— Не встретили.

— Что происходит в Херсонесе?

¹ Багрянородный (порфиорогенный) — титул детей базилевса, здесь имеется в виду Константин VII, включивший этот титул в свое имя.

- Беличьи шкурки идут хорошо, в большом спросе перец и мускус.
- Не видели вы в Фулах хазарского купца Исаака Самана?
- Видели. Покупает воловьей кожи...

Сколько раз я ходил по улицам Херсонеса, бродил по его торжищам, с удивлением взирая на торговую суету.

Уже на рассвете стекаются продающие на городской рынок, где между колоннами висят перекошенные разновесами железные весы, а на каменных прилавках лежат пахучие кожи, зловонные сырые меха, серебряные чаши, мешочки с янтарем, амфоры с перцем, сосуды с мускусом, расшитые грифонами и цветами сарацинские материи. У базилики св. Богородицы в меняльных лавках разжиревших скопцов звенят номизмы и милиарисии. Люди самого различного облика, ромеи и варвары, евреи и персияне, хазары, иверийцы и жители далеких сарацинских городов, бродят среди этих товаров, расспрашивают о ценах, торгуются, клянутся всеми святыми, Перуном и мечом Магомета, продают и покупают. На другом рынке, у Кентенарийской башни, торгуют вином, пшеницей и оливковым маслом, а у башни Синагры продается рогатый скот, бараны, кони и ослы. Верблюды проходят в городские ворота. С тяжелыми вьюками на горбах, гордо подняв маленькие головы, позванивая колокольцами и амулетами, они идут бесконечными караванами. В порту торговые корабли нагружаются рыбой и мехами, чтобы при первом попутном ветре идти в порты Азии. Всюду разговоры о наживе, о прибыли, об удачном лове, о ценах на беличьи шкурки, доставленные из далекой Скифии русскими купцами. Продавец обманывает покупателя, а покупающий, может быть, платит серебром, похищенным из церковной сокровищницы! Зернохранилища, солеварни, амбары и масличные точила важнее здесь, чем базилики. Разве способны эти жадные и лживые люди на великие деяния?

Но магистр Леонтий Хризозефал, умный и лукавый старик, поблескивая черными глазами, говорил мне, когда речь заходила о Херсонесе:

— Хороша херсонская рыба! Любят ромеи рыбку! Что может быть приятнее рыбного соуса с луком, чесноком и перцем?

Для него все ясно и просто в мире. Херсонесская рыба — питательная и дешевая пища для черни и воинов. Чтобы покупать ее, нужны деньги. Деньги достает государство взиманием налогов и по-

шлин. Всю жизнь шуршит магистр бумагами, макает тростник в чернильницу, пишет доклады и списки. Все — для пользы ромеев.

Благочестивый египетский монах Козьма Индикоплевст, совершивший в дни кесаря Ираклия путешествие в Эфиопию и написавший «Христианскую топографию», в своей книге уподобил мир скинии завета. Мир, четырехугольный и плоский, подобен горнице, в которой свод — небеса. Землю со всех сторон окружает океан. По ту сторону его жили наши праотцы до потопа. Солнце, раскаленный шар, возникший из небытия в четвертый день творения, освещает мир днем, луна — ночью. В час заката солнце прячется на западе за коническую гору.

Мы все живем в этом, ограниченном океаном, мире: базилевсы, стратеги, патриархи, епископы, простые башмачники и овчары, Дмитрий Ангел и Никифор Ксифий, Лев Диакон и я. Люди привыкли к незначительному пространству. А меня это низкое небо сковывает, как железом. Порой хотелось бы разорвать его руками, прободать трезубцем, посмотреть, что скрывается за его голубой прелестью, какие райские тайны? Магистр Леонтий иногда посмеивается:

— Умрешь, тогда узнаешь! А пока едва хватает времени управиться с земными делами и заботами. Откуда у тебя такое беспокойство? Смотри, чтобы тебя не отлучили от церкви!

Сам он плавал в земных делах, как рыба в воде, копил деньги на черный день, покупал земли и виноградники, содержал в порядке свой дом, выгодно выдавал дочерей замуж, неоднократно исполнял ответственные государственные поручения, мечтал, что со временем и его сделают логофетом дрома¹.

Ромейский мир — как некий огромный улей или муравейник, где каждому раз навсегда предназначены определенное место, обязанности и права. Каждый шаг и каждое слово базилевса связаны римским церемониалом, который нельзя нарушить ни при каких обстоятельствах.

Даже простой табулярий², когда к нему является товарищ, обязан сделать ему навстречу установленные три шага, не два и не четыре. В «Книге эпарха» точно указано, как производить продажу и

¹ Логофет дрома — одно из высших должностных лиц.

² Табулярий — служащий архива.

куплю, какие цены могут быть назначены за барана или за медимн жита, сколько милиарисиев имеет право нажать с номизмы торговец шелком, и почему булочники имеют 24 процента с продажи хлеба, принимая во внимание расходы на топливо. Легаторий и его помощники следят, чтобы точными были весы торговцев, чтобы менялы не подпиливали золотых монет, лишая их законного веса, чтобы свечники не подливали в воск сала, чтобы золотых дел мастера не покупали более одного фунта золота в год, чтобы серикарии не окрашивали шелковых материй в пурпур. Свечники, менялы, мясники, торговцы бальзамом, иссопом, пшеничной и житной мукой, рыбой, твердой и жидкой смолой, коноплей или гвоздями, мыловары, башмачники и пекари объединены в содружества, подчиняющиеся строгим правилам и облегчающие надзор за трудом и податным обложением. Каждому назначено место для торговли. Золотых дел мастера продают свои изделия на Средней улице, от Буколеонского дворца до Золотых Ворот, восточные товары продаются только в Эмволе, торговцы ароматами выставляют свои товары на продажу между Мидием и иконой Спасителя в Халке, чтобы благоухание мускуса и амбры долетало до дворцовых портиков.

Среди торгующих благовониями много сарацин, египтян, армян, эфиопов и персиян. От их криков и завывания кружится голова. Они макают пальцы в фиалы с ароматами, мажут у проходящих ладони или бороды, расхваливают свои товары:

— Купи мускус для своей возлюбленной, не раскаешься!

— За один милиарисий — климат рая!

— Благовонные притирания! Благовонные притирания!

Горбоносый человек в огромном тюрбане, склонив голову набок, шевеля тонкими пальцами перед лицом, уговаривает покупателя:

— Что тебе скажет женщина, с которой ты сегодня ночью разделишь ложе? А вот что она скажет, достопочтенный... Не надо мне драгоценных украшений, скажет она, а принеси мне амбру и мускус, потому что от ароматов у меня кружится голова...

Бродячий монах выкрикивает:

— Камушки из реки Иордан! Иорданские камушки! Дешево, без запросу...

Сарацинский купец предлагает:

— Душистое мыло под названием «Тайна красоты». Купите